

Раненый Севастополец о порядкахъ въ Симферопольскомъ госпиталь *)

1855—1856.

Тетрадь въ 15-ть листовъ, написанная мною съ трудомъ въ теченіе мѣсяца: раны не дозволили этого сдѣлать скорѣе.

Съ искренними чувствами уваженія, почтенія, преданности имѣю честь посвятить эту записку его сіятельству, Виктору Илларионовичу князю Васильчикову. Покорнѣйшій слуга и Севастопольскій подчиненный И. Лебедевъ.

Вмѣсто предисловія.

(Изъ стихотвореній Бенедиктова: Встрѣчныйъ голосъ при торжественномъ въѣздѣ Его Императорскаго Величества въ С. Петербургъ. Взято изъ „С. Петербургскихъ Вѣдомостей“).

Не терни, Родимый, лжи и злоуправства,
Ѣдкаго пронырства, низкаго лукавства,
Хитрости змѣиной, лести ядовитой!
Истинѣ священной путь стелн открытъи.
Выслушай порою, съ благостію кроткой,
Искреннее слово мужичка съ бородкой.
Пусть, Отець нашъ, тѣмъ что къ тебѣ приближень,
Не глушится голосъ, что идетъ изъ хижины!
Поуймемъ, поддержи́мъ роскошь-лиходѣйку,
Да на черный день мы сбережемъ копейку.

*) Эта записка подана 14 Февраля 1857 г. князю В. И. Васильчикову, въ проѣздѣ его черезъ Харьковъ. Онъ тогда ѣхалъ на слѣдствіе по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ нашей врачебной чести въ Крымскую войну. Записка доставлена „Русскому Архиву“ другомъ князя Васильчикова Николаемъ Федоровичемъ Козляниновымъ вмѣстѣ съ письмомъ къ нему Виктора Илларионовича, которое помещено въ „Русскомъ Архивѣ“ 1909, II, 143. П. Б.

Родственно-живая связь Царя съ народомъ
 Пусть урокомъ будетъ алчнымъ воеводамъ.
 Ты бь насъ вѣрно не далъ никому обидѣть,
 Да вѣдь гдѣ жь, Родимый, одному все видѣть?
 Пусть же смотря зорко верхніе-то мужи,
 Чтобъ внутри все было чисто какъ снаружи,
 Чтобъ внутри святая правда разгоралась,
 А снаружи злая гибель не подкралась.
 Дай тебѣ Всевышній провозврѣній быстрыхъ,
 Счастія въ народѣ, радостей въ министрахъ,
 И въ мужахъ Совѣта, сихъ опорахъ царства,
 Да найдешь ты доблесть, а не гнилость барства,
 Да узришь въ нихъ знанье, честь и правосудье,
 Да не скажутъ люди, что у насъ безлюдье.
 Пусть они въ блестящихъ, золотыхъ палатахъ
 Мыслять о лачугахъ, думаютъ о хатахъ,
 О народныхъ нуждахъ, о народныхъ требахъ.
 Пусть не тунеядцы у тебя на хлѣбахъ
 Плаваютъ въ довольствѣ. Всѣ мы молимъ Бога;
 Будь тебѣ въ работѣ царственной подмога!

Дай Богъ, чтобы этотъ благородный голосъ поэта въ точности исполнился, чтобы про него можно бы сказать съ Вeneвитиновымъ:

И слово сильное случайно
 Изъ груди вырвется твоей.
 Уронишь ты его не даромъ;
 Оно чужую грудь зажжетъ,
 Въ нее какъ искра упадетъ,
 А въ ней пробудится пожаромъ.

И. Лебедевъ.

Февраля 14-го, 1857 г.
 Харьковъ.

Его сіятельству, Виктору Илларионовичу, князю Васильчикову
 (Для соображенія и ходатайства при случаѣ). Отъ И. Лебедева.
 Января 14-го дня, 1857 года. Харьковъ.

Письмо это заключаетъ подробности объ ординаторѣ госпиталя, о смотрителѣ госпиталя и о главномъ докторѣ въ офицерскомъ отдѣленіи Симферопольскаго военнаго госпиталя, въ домъ Мейера.

Отрывокъ изъ письма къ подполковнику генеральнаго штаба Вильку, отъ 31-го Мая 1856 г. изъ Харькова. Письмо это написано подъ вліяніемъ справедливой и неостывшей еще ненависти къ Симферопольскому военному госпиталю.

Я теперь въ Харьковѣ. Какъ я радъ, что не въ проклятомъ, гниломъ домѣ Мейера въ Симферополѣ, гдѣ о раненыхъ нимаго не заботились на счетъ „успокоенія“, и успокоивалъ развѣ одинъ Богъ сномъ смерти нѣкоторыхъ страдальцевъ. Пища, бѣлье, постель госпитальные: это одно отвращеніе и гадость; у многихъ раненыхъ было *все свое* и даже медикаменты! Медикаменты эти покупались въ вольной аптекѣ. И я полагаю что медиковъ и госпитальныхъ чиновниковъ Симферополя прилично назвать именемъ *душеубецевъ*. Всякому извѣстно по газетамъ, что вся Россія жертвовала вещи и деньги во множествѣ „въ пользу раненыхъ“, и гдѣ все это?? Многое, нѣтъ сомнѣнія, продано и украдено; а между тѣмъ сколько было *статьишекъ* въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и „Сѣверной Пчелѣ“, *статьишекъ* сладкихъ и ложныхъ „объ успокоеніи“ въ Крыму раненыхъ,—обидныхъ и оскорбительныхъ для раненыхъ, такъ что я порывался было написать редакторамъ газетъ и намѣревался попросить ихъ, во имя чести дворянина, не позволять печатать статьи о какомъ-то „успокоеніи“ раненыхъ, чего никогда не бывало. Но потомъ передумалъ, вспомнивъ, что *интересъ и деньги* дороги для редакторовъ, а лезть общее ихъ упражненіе.

Замѣчательно, что душегубцы Симферополя наши же „православные“, богомольцы и лицемѣры. „Нельзя же“, скажутъ они съ набожнымъ видомъ, „вѣра первое дѣло!“ Тѣмъ болѣе, что кивать руками и головою, какъ вѣтреными крыльями у мельницы, ровно ничего не стоить: денегъ за это благочестивое занятіе не платять, а „душа спасается“. Такъ, думать надобно, разсуждаетъ Симферопольскій душегубецъ, размахивая въ церкви руками и поставивъ свѣчу на украденныя у страдальцевъ раненыхъ деньги... Славная молитва и хороша эта свѣча!

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“, № 83, отъ 11-го Апрѣля 1856 г., напечатанъ приказъ о преданіи военному суду арестованныхъ за госпитальныя злоупотребленія главнаго доктора, вашего знакомаго, *Протопопова*, и аптекаря *Веймара*. Въ приказѣ сказано: „Высочайше повелѣно учреждаемому военному суду надъ статскимъ совѣтникомъ *Протопоповымъ* и коллежскимъ ассесоромъ *Веймаромъ* имѣть въ виду, при дальнѣйшемъ разъясненіи всѣхъ непростительныхъ безпорядковъ по Симферопольскому госпиталю, чтобы никто изъ виновныхъ не остался безъ заслуженнаго наказанія“.

Дай Богъ, чтобы поболѣе Симферопольскихъ душегубцевъ было оборвано и казнено. Чтѣ жалѣть злодѣевъ? Последнее время я убѣдился

въ бездушїи нашего ординатора *Лаврентьева*. Видите, не было воды, и масло было горькое и вонючее въ жаркомъ: бездѣлица! Смотритель, какой-то раненый въ руку, и думать надобно въ мозгъ, прапорщикъ началъ говорить дерзости сердобольной старухѣ Хоботовой, такъ что раненые за нее заступились. Я также говорилъ этому смотрителю, что онъ не похожъ на офицера: ибо ему говорятъ дѣло о необходимостяхъ раненыхъ, при раненыхъ-де „воды нѣтъ и масло въ пищѣ вонючее,—отъ чего? по какому случаю? Вмѣсто того, чтобы узнать объ этомъ толкомъ, выслушать и исполнить потребности раненыхъ, онъ говорилъ дерзости сестрѣ сердобольной или (какъ выражался одинъ раненый) „сердцеболѣзненной“. *Лаврентьевъ*, ординаторъ нашъ, ушелъ, заступился за смотрителя; „сердцеболѣзненную“ сестру называлъ „вздорною“; говорилъ мнѣ: „если палку поставятъ, то онъ,—разумѣя подъ этимъ свое начальство,—будетъ слушаться!!“ Старая, нелѣпая фраза, слышанная мною лѣтъ 25 тому назадъ. „Моя хата съ краю, я ничего не знаю“ и т. д.. Это его слова.

Хорошъ заступникъ за раненыхъ! А подарки, конечно добровольные, братъ умѣлъ, какъ будто не нарочно. „Эдакая Хохландія!“ Онъ, *Лаврентьевъ*, грубый Хохоль, увѣрялъ однажды, что „Крымское вино имѣетъ букетъ „печеной груши“ (ѣ—мягко, какъ говорятъ Хохлы). Славный букетъ!! О медицинскихъ познанїяхъ скажу вотъ что: *Лаврентьевъ* самъ отмачивалъ мнѣ рану водою, накладывалъ корпїю „съ всемогущею“ по его словамъ, ляписною примочкою; туго самъ забинтовывалъ, говоря, что рана заживетъ чрезъ мѣсяць, что огнившїя у меня жилы отъ гангрены „чрезъ полгода возстановятся“. Здѣсь же Харьковскїя знаменитости, учителя „букета печеной груши“, т. е. *Лаврентьева*, доктора *Нарановичъ* и *Калинченко* объявили мнѣ свѣдѣнїя, діаметрально противоположныя рѣчамъ „букета печеной груши“: водою отмачиваются раны только гангренозныя, а негангренозныя вредно мочить водою. Доказательство тому *Нарановича* не дурно: „у меня по этой методѣ не мочить водою раны“ (слова *Нарановича*), „изъ трехъ сотъ раненыхъ умеръ всего одинъ!“ А у насъ, при Симферопольскихъ душегубцахъ, въ день умирало иногда по два и по три офицера; а солдатъ, какъ говорили, до полутора, если это такъ. „Прибираетъ же ихъ, Господь“, говорила разъ сердобольная сестра изъ солдатскаго госпитальнаго отдѣленїя. И на эту гибель воиновъ Симферопольскїе медики глядѣли какъ на гибель мухъ. Да и могли ли душонки ихъ тревожиться чувствами благородными? „Всемогущая“ по словамъ „букета печеной груши“, ляписная примочка могла сдѣлать „рану мозолистою“, неисцѣлимою; „отъ тугаго бинтованїя у меня

нажата Ахиллова жила, и это бинтованіе помогло, что я безъ ноги, такъ что еще черезъ годъ или и болѣе станеть нога въ подъемѣ разгибаться. Слова Нарановича: „Сгнившія у меня жилы никогда не возстановятся“. Назначилъ мнѣ Нарановичъ примочку изъ ромашки, по часу утромъ и вечеромъ, дѣлать припарки изъ льянаго сѣмени; перевязывать ее три раза въ день, выжимая ромашку изъ корпіи, бинтовать не цѣлымъ, жесткимъ бинтомъ, но рванымъ съ мягкими краями бинтомъ, бинтовать слабо; и послѣдствія лучшаго леченія скоро оказались: нога стала терять опухоль, красноту, пальцы стали гнуться, такъ что это леченье видимо умнѣе и полезнѣе леченья „букета печоной груши“.

Это было помѣщено въ письмѣ моемъ къ вашему сіятельству отъ 14-го Января сего 1857 г. А теперь помѣщаются для полноты выпски изъ моихъ писемъ къ роднымъ и знакомымъ по дѣлу раненныхъ и инвалидовъ съ Симферопольскимъ госпиталемъ и Комитетомъ 1814 года.

„Забылъ вамъ сказать слѣдующую рѣдкость. На другой день послѣ оскорбленія „сердцеболѣзненной“ сестры Хоботовой, главный смотритель поручикъ Рагоза, тоже изъ сонма Симферопольскихъ „доброжелателей и благомыслящихъ людей“, желая явить полезный примѣръ „заботливости объ успокоеніи раненныхъ“ (это послѣ семи мѣсяцевъ отвратительнаго раненныхъ содержанія), этотъ Рагоза, комиссаріатская душа, мошенникъ отъ младыхъ своихъ „ногтей“, говорилъ, что онъ въ Симферополь 17-й смотритель и не безъ достоинства“, пришелъ въ домъ Мейера рано утромъ и самъ принесъ въ своихъ достойныхъ рукахъ горшокъ свѣжаго масла, а „сердцеболѣзненная“ сестра, не совсѣмъ пожилая, пришла съ этимъ 17-мъ смотрителемъ и своими руками принесла связку свѣжей петрушки. Эта сердцеболѣзненная сестра объявила, „что отнынѣ раненные будутъ имѣть сливочное масло!“ (чего однако не случилось). Тогда одинъ раненный замѣтилъ въ полголоса: „что если это сливочное масло будетъ сбивать Рогоза съ сестрою, то должно быть масло это будетъ очень вкусно“.

Потомъ пришелъ на свою визитацію „букетъ печоныхъ грушъ“, т. е. ординаторъ Лаврентьевъ. Далѣе: ожидаемы были, но не п-о-ж-а-л-о-в-а-л-и (это слово надобно произнести въ носъ и на распѣвъ, какъ говорятъ иные чванные, чопорные господа), членъ попечительнаго о раненныхъ Комитета, вполнѣ удивительнаго, 22-хъ лѣтній юноша съ желтымъ лицомъ *Дурасовъ*, и *монахъ Аиѳангелъ* служатъ молебень.

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ!“ Ну что, если бы эти лица,—сущій винигреть,—и 17-й смотритель не безъ достоинства и съ масломъ, и сестра съ петрушкою, и букетъ печоныхъ грушъ, и членъ удивительнаго Комитета и монахъ Агаѳангель запѣли бы молебень! Это было бы чудо! Что передъ этимъ воемъ былъ бы квартетъ Крылова?!! Это я написалъ, чтобъ посмѣшить васъ; но здѣсь выдуманнаго *ни ни волосъ*: все такъ точно было, какъ я описалъ здѣсь. Я подобралъ даже стихи Протопопова и Веймара, и вотъ послушайте дуэтъ:

Дуэтъ или арія.

(Подражаніе Арабскому, изъ А. С. Пушкина). Поютъ Протопоповъ, Веймаръ и т. п. душегубцы:

„Обрекъ себя я плутовству,
Но не стыдись: на вѣкъ ты мой!
Въ насъ страсть одна все къ воровству,
И жизнью мы живемъ одной“.

Пьютъ водку, вино, ѣдятъ селедку и продолжаютъ пѣть громче и чаще:

„Не боимся мы насмѣшекъ—
Мы сдвоились межъ собой,
Мы точь въ точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой“.

Хорошъ орѣшекъ, неправда ли??

Остается этимъ поющимъ душегубцамъ зарѣзаться, чтобы окончить свое тлетворное существованіе, и тогда бы съ трупами ихъ дьяволъ такъ бы распорядился:

„Лукавый прилетѣлъ и къ трупамъ бы приникъ,
Возжегъ въ нихъ жизнь, взвился бѣ съ своей добычей
смердной,
И бросилъ трупы тѣ въ гортань геенны холодной.
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ злодѣя и врага,
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И Сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Раскравшія весь хлѣбъ у воиновъ Христа.“

И въ заключеніе, въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ, слухъ объ этихъ злодѣяхъ и душегубцахъ

..... Вездѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ ихъ сущій въ ней языкъ:
И храбрый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

Вотъ вамъ еще анекдотъ, слышанный мною въ госпиталѣ. Анекдотъ этотъ можетъ быть и вымышленъ кѣмъ-либо; но онъ хорошо изображаетъ суетность людскую и въ особенности спѣсивыхъ баричей.

Когда графъ Вѣльгорскій-Матюшкинъ, главный членъ Попечительскаго о раненыхъ Комитета, умеръ отъ тифа, его балзамировали; тѣло лежало въ разныхъ кислотахъ, наиболѣе напityвали хлоромъ. Тогда кто-то изъ прїѣзжихъ, желавшій видѣть графа, спросилъ: „дома ли графъ Вѣльгорскій?“ На это ему будто бы отвѣтили: „дома, но его квасятъ!“ Именно квасятъ! Теперь въ комнатахъ, гдѣ квасили Вѣльгорскаго, помѣщается гостинница „Таврида“, и слышенъ голосъ маркера: „28 и никою, или 46 и очень мало!“

„Гдѣ гробъ стоялъ, тамъ столы яствъ“.

Тамъ ѣдятъ и пьютъ во всѣ часы сутокъ, днемъ и ночью.

„Гдѣ были надгробные лики, тамъ пиршества слышатся крики“.

Къ этому: буйные разговоры, ссоры и разныя трактирныя картины, извѣстныя всѣмъ и каждому“.

Слѣдующая выписка изъ письма къ редактору газеты „Русскій Инвалидъ“, отъ 24-го Декабря 1856 г., въ отвѣтъ на его ко мнѣ письмо, посвящается не мнимой, но дѣйствительной пользѣ Русскихъ инвалидовъ отъ раненаго ихъ сослуживца.

Если не угодно будетъ вашему сіятельству сохранить эту рукопись отъ своего по Севастополю подчиненнаго, то да хранится сія рукопись въ родѣ Лебедевыхъ на память о злосчастной судьбѣ раненыхъ и объ Иванѣ Лебедевѣ.

24-го Декабря, 1856 г. Харьковъ.

Адресъ для передачи этихъ записокъ, по минованіи въ нихъ надобности, въ С. Петербургъ Петру Семеновичу Лебедеву, Генеральнаго Штаба полковнику. На Торговой улицѣ, противъ Католической церкви,

въ домъ сенатора Лавинскаго; а васъ, г. полковникъ генеральнаго штаба Лебедевъ 3-й, прошу лично передать въ С. Петербургъ записки эти старшему брату и крестному моему отцу Николаю Семеновичу Лебедеву 1-му, Корпуса инженеровъ путей сообщенія г. полковнику.

„И ежели ужъ будетъ милость ваша,
Такъ князю вы извольте доложить,
Что, можь, Петровъ, высокому начальству
Солдатскою слезою поклонился“.

Изъ сочиненія: „Солдаты Петровъ“.

Солдаты Петровъ, изъ отряда князя Андроникова, въ 1853 году получили орденъ Св. Георгія и просили выразить свою благодарность князю Андроникову: „Солдатскою слезою поклониться“.

Разумѣется, это слеза признательности. Подобно этому, но въ смыслѣ противоположномъ, вмѣсто поздравленія съ новымъ 1857 годомъ „и съ новымъ счастьемъ“, Русскіе инвалиды, забытые и оскорбляемые Комитетомъ 1814 г. и его газетою, кланяются имъ также „солдатскою слезою“, т. е. слезою горя и печали.

Прошу „узнать дѣло“, о коемъ говорю здѣсь ближе и подробнѣе.
(слова письма вашего).

Примѣчаніе, весьма важное, для редактора газеты „Русскій Инвалидъ“.

Милостивый государь Петръ Семеновичъ *)!

Предположивъ, что ваши дѣти, которыхъ вы любите, и дѣти другихъ вашихъ женатыхъ братьевъ, по призванію и влеченію, изъ заведеній пойдутъ въ военную службу; будетъ война, и случатся съ дѣтьми этими раны, увѣчья, т. е. съ ними, чего не дай Богъ, повторится точь въ точь, слово въ слово, таже исторія что и со мною, съ тою только разницею: будутъ ли ихъ увѣчья въ чинѣ штабъ-офицера при знакахъ отличій, или въ маленькомъ чинѣ безъ знаковъ отличій, тогда и голосъ ихъ будетъ послабѣе, и много они выстрадаютъ, а пожалуй и погибнутъ, когда васъ и отцевъ ихъ или не станетъ, или если они застигнуты будутъ „немощами старости скорбной“. Не лучше ли теперъ, пока не поздно, положить начало попечительности „объ инвалидахъ“ на дѣлѣ, а не на словѣ, сказавъ мнѣ въ душѣ спасибо

*) Этого И. С. Лебедевъ получилъ въ то время извѣстность своею книгою „Братья Панины“, гдѣ онъ невѣрно изобразилъ ихъ виновниками болѣзненнаго настроенія въ цесаревичѣ Павлѣ П. Б.

за поданную мысль, т. е. о попечительности своевременной, ибо поздняя помощь,—чрезъ годъ и болѣе,—какъ я на себѣ испытываю, не получая „покровительства этого“ *уже семнадцать мѣсяцевъ*, съ 27-го Августа 1855 г. по 27-е Января 1857 г., поздняя, говорю, помощь все равно что ничего: „инвалидъ“ можетъ въ это время въ ожиданіяхъ, въ лишеніи и нищетѣ, можетъ умереть или пропасть съ голоду, холоду и разныхъ неудобствъ, особенно зимою, когда дрова дороги и придется ему жить въ нетопленной горницѣ. Это не только „прискорбно“ (слова изъ вашего письма: „знаю, что это прискорбно для страждущихъ“), но даже *исбельно!*

Письмо ваше отъ 7-го Декабря написано въ обвинительномъ тонѣ, во 1-хъ, безъ малѣйшаго сочувствія къ дѣлу израненыхъ Русскихъ инвалидовъ; 2) нѣкоторыя выраженія вашего письма не ясны; 3) вы напрасно придаете чрезвычайно много важности ничего не стоящимъ и нимало неудовлетворительнымъ для раненыхъ „отчетамъ“ (въ которыхъ ровно ничего нѣтъ отчетливаго), ко мнѣ вами присланнымъ, „о дѣйствіяхъ за 1855 годъ Комитета, прихода и расхода суммъ онаго, напечатанныхъ въ № 113 Русскаго Инвалида“, Мая 1856 года. И потому нельзя не написать этого письма, какъ отвѣтнаго на ваши на меня обвиненія и на ваши весьма ошибочныя мысли о быстрой дѣятельности Комитета 1814 г., издающаго газету, ложно посвящую заслуженное имя „Русскій Инвалидъ“. Будемъ безпристрастны. Вы помните слова Хемницера: „Уставъ ужли переступить!!“ Непремѣнно переступить, потому что онъ изветшалъ, и положить начало попечительности о „раненыхъ слугахъ Отечеству. „Лиха бѣда начало“. Начало,—дорогу проведите, а тамъ будетъ и хорошій путь.

Не глядите такъ равнодушно и пронически на слова раненыхъ; пожалѣете послѣ не на нихъ, а на дѣтяхъ своихъ, вашихъ близкихъ и друзьяхъ, какіе у васъ есть, что не приложили силъ своихъ поправить укоренившуюся жестокость съ раненымъ и инвалидомъ и небреженіе объ ихъ существованіи, пока они доживаютъ свою несчастную жизнь. Послѣ же кончины ихъ, „немедленно“ записываютъ имена мертвецовъ на мраморную доску, о чемъ печатаются по формѣ приказы „въ Русскомъ Инвалидѣ“, т. е. дается камень послѣ смерти въ знакъ попечительности и заботливости. Очень нуженъ этотъ камень послѣ смерти, ускоренной бѣдностью и нищетою!! Повторяю: будьте безпристрастны; безпристрастно, и не торопливо, со вниманіемъ прочтите и хорошенько размыслите о моихъ словахъ. Я разберу всякую фразу вашу, и этотъ разборъ лучше докажетъ, что цѣлью моею дѣйствительная, а не на

однихъ словахъ польза Инвалидовъ, а слѣд. и моя; польза на самомъ дѣлѣ, скоро и своевременно, безъ допущенія инвалидовъ къ нищетѣ и смерти.

„Отвѣчаю, какъ редакторъ газеты „Русскій Инвалидъ“ не для защиты этой газеты (узнавъ дѣло ближе и подробности, вы сами, можете быть, удержитесь отъ нападокъ на нее), но дабы избавить васъ отъ непріятности затѣять дѣло безцѣльное и навлечь на себя осужденіе людей благомыслящихъ“... (Слова редактора газеты „Русскій Инвалидъ“ по случаю того, что я намѣренъ былъ просить перемѣнить названіе это, нимало газетою не оправдываемое: ибо о живыхъ инвалидахъ въ ней почти нѣтъ ни заботливости, ни вниманія).

Совершенно напротивъ, благомыслящіе, т. е. честные люди, у которыхъ Богъ не на языкѣ, а въ сердцѣ и поступкахъ, порадуются моему предложенію и поблагодарятъ меня. „Нападокъ“ никакихъ я не могу себѣ позволить, а говорю одну правду, съ цѣлью принести скорую помощь и пользу „Инвалидамъ“ и себѣ. „Непріятностей“ воину бояться нечего, худшей не будетъ непріятности какъ нищета, въ слѣдствіе невниманія Комитета и его газеты, печатающей за 1855 годъ въ 1856-мъ году „отчеты“ о какихъ-то „дѣйствіяхъ“, тогда какъ это не дѣйствія, а просто бѣглый, темный очеркъ, ничего не значащій. „Осужденія“ эгоистовъ страшиться стыдно честному человѣку, который говоритъ истину для пользы своей и раненыхъ сотоварищей, забытыхъ и брошенныхъ Комитетомъ. Благомыслящіе люди встрѣтятъ съ участіемъ всякую попытку къ добру. Съ помощію Божіею, не теряя нимало надежды на Провидѣніе, я увѣренъ, что доживу до того времени, когда Комитету непремѣнно повелѣно будетъ, вмѣстѣ съ газетою „Русскій Инвалидъ“, обратить своевременное вниманіе и попечительность на самомъ дѣлѣ, а не на однихъ словахъ, т. е. оказывать въ самомъ исполненіи „попечительную заботливость о храбрыхъ воинахъ, запечатлѣвшихъ кровію своею доблестное исполненіе долга Престолу и Отечеству“. (Слова Высочайшаго приказа по арміямъ и флоту отъ 26-го Августа 1856 года).

О первыхъ отчетахъ учредителя „Русскаго Инвалида“ и. т. с. Поміана-Пезаровіуса.

„Мнѣ кажется все происходитъ отъ того, что вамъ не извѣстны исторія Инвалида и условія его изданія (Слова изъ письма ко мнѣ редактора газеты „Русскій Инвалидъ“).

Исторія „Инвалида“ мнѣ хорошо извѣстна изъ вашихъ же словъ № 144 „Русскаго Инвалида“ отъ 1-го Юля 1856 года.

Военный Листокъ. „Поищите въ исторіи Русскаго инвалида дѣлъ, и вы найдете дѣла умныя, добрыя, патріотическія, великія“. Далѣе говорится о заслугахъ т. с. Помміана-Пезаровіуса. Онъ представилъ слѣдующій первый отчетъ о состояніи кассы „Русскаго Инвалида“: „Нижеподписавшійся издатель сего, въ пользу инвалидовъ, солдатскихъ вдовъ и сиротъ, обязался въ предъувѣдомленіи своемъ извѣщать ежемѣсячно публику о состояніи кассы, выручаемой съ сего изданія; поелику онъ таковою токмо откровенностію въ производствѣ дѣла своего и строжайшею исправностію въ наблюденіи при отчетахъ своихъ опредѣлительной формы удостовѣрить можетъ болѣе и болѣе публику въ безкорыстности предпріятія своего. Нынѣ впервые наполняетъ онъ сіе обѣщаніе, или лучше сказать, свою обязанность“. Прекрасно! Но представленные отчеты Пезаровіуса не всѣ удовлетворительны по краткости своей; *въ нихъ не видно обѣщанной откровенности, и потому читатели не могутъ быть убѣждены въ безкорыстности предпріятія, хотя онъ и было на самомъ дѣлѣ безкорыстно.* Напр.: „Число инвалидовъ, получившихъ изъ этой кассы вспоможеніе, по большей части за годъ впередъ, простиралось до 825; вдовъ солдатскихъ до 40“. Здѣсь долженъ быть непременно, какъ въ „Морскомъ Сборникѣ“ именной списокъ этихъ 825 и 40, съ представкою, когда и сколько каждому и каждой выдано. А то что за „отчетность“, поверхностная, мелькомъ! Далѣе: „изъ одной же суммы, на вспоможеніе отправляющимся къ арміи недостаточнымъ офицерамъ выдано 5000“. Опять нѣтъ списка, и неизвѣстно, когда, кому и сколько денегъ выдано! Глухо.

Далѣе: „сіи деньги (20,965 руб.) безъ задержанія выдаваемы были тѣмъ, кому имянно отъ благотворителей оныя назначались“.

„Изъ вспомогательной кассы выдано: Недостаточнымъ раненымъ офицерамъ, вдовамъ ихъ и сиротамъ 84,013 руб. На годовые инвалидные пенсіоны по билетамъ—71,541 руб. 42 коп.“ На вспоможеніе инвалидамъ, вдовамъ и ихъ сиротамъ единовременно 14,718 руб. 85 коп.“

Что это за „отчеты“?? Необходимо приложить списки къ каждой выдачѣ денегъ, ко всякой суммѣ: когда, кому именно и сколько было выдано. А такіе пустые „отчеты“, въ огромныхъ цифрахъ, „опредѣлительной формы“, по мнѣнію Пезаровіуса, совершенно темны, глухи и неопредѣленны, ничего не стоятъ и никого не удостовѣряютъ.

Разборъ отчетовъ за 1855 г. Комитета 1814 г., учрежденнаго для „покровительства“ раненныхъ.

Присланныя вами два „отчета“ Комитета за 1855 годъ напечатаны весьма поздно: въ 1856 году. Нимало не утѣшительно для раненныхъ такое несвоевременное печатаніе: оно почти бесполезно. Ужъ если печатать отчеты, то своевременно, а не древніе, минувшихъ лѣтъ. Если была причина почему нельзя было напечатать этотъ бѣглый, пустой отчетъ, по мѣрѣ выдачи денегъ, или въ треть: то почему Комитету этаго печатно не объявить раненымъ для свѣдѣнія тутъ же при этихъ бѣглыхъ и пустыхъ „отчетахъ“, напечатанныхъ въ 1856 году? Въ сихъ ничего незначащихъ отчетахъ за 1855 годъ, въ статьяхъ:

I. О генералахъ, штабъ и оберъ-офицерахъ.

II. О родителяхъ, вдовахъ и сиротахъ вонновъ, убитыхъ въ сраженіяхъ и отъ ранъ умершихъ.

III. Объ инвалидахъ.

Въ этихъ трехъ статьяхъ ничего нѣтъ удостовѣрительнаго и подробнаго

Не поименовано и не означено:

Кто и когда принять въ кандидаты для опредѣленія къ должности?

Кто и когда опредѣленъ къ какой должности?

Кто и когда принять въ Николаевскую Измайловскую военную богадѣльню для призрѣнія?

Кому, когда и сколько пожаловано пенсіи?

Кому, когда и по сколько ассигновано для найма прислуги?

Кому, когда и по сколько ассигновано пособій?

Кто и когда принять на пенсіи изъ инвалиднаго капитала?

Кому и когда разрѣшены просьбы?

Чьи, когда и почему просьбы отнесены къ разрѣшенію на слѣдующій годъ?

Кто, когда и куда выбылъ изъ кандидатовъ къ должности?

Не означены: имена родителей, вдовъ и сиротъ, коимъ пожалованы, и какіе, пенсіоны?

Чьи дѣти, и куда доставлены въ казенныя заведенія?

Кому, когда и по сколько дано единовременнаго вспоможенія инвалидамъ?

Словомъ, напечатанныя за 1855 годъ цыфры не суть отчеты; они ничею не стоятъ: темны, неопредѣленны, глухи; въ нихъ ровно ничего не видно, кто, сколько и когда получили пособія?

Далѣе: „Статья IV о капиталахъ“. Расходъ показанъ также точно глухо.

Окончаніе разбора отчетовъ за 1855 г. Комитета 1814 года.

1. На пенсіоны 451,566 руб.

Кому, когда и сколько?

2. На содержаніе въ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей офицеровъ 27,064 руб. Чьихъ именно дѣтей и по сколько на одного?

И т. д. всѣ „отчеты“ ничего не выражаютъ: мутно, темно, глухо; ясности и подробности въ расходѣ ни малѣйшей не видно.

Примѣненіе къ жизни мертво выраженія: „на пользу инвалидовъ или раненыхъ“.

Вотъ почему я и просилъ сравнить по содержанію „Русскій Инвалидъ“ съ „Морскимъ Сборникомъ“. Я разумѣлъ здѣсь не спеціальность, а открытыя, нетайнственныя объявленія для пользы инвалидовъ; напр. отчетъ о занятіяхъ Комитета и его рѣшеніяхъ и всѣ подробныя извѣщенія. Чтò такое именно дѣлаетъ каждый день этотъ „покровительствующій“ Комитетъ „для пользы инвалидовъ? „Польза Инвалидовъ“,—это слово темное; надобно показать ясно чтò оно именно значить въ примѣненіи къ жизни, на дѣлѣ; тогда и всякій будетъ видѣть эту пользу „инвалидовъ“. Весьма недостаточно говорить все „о пользѣ, о пользѣ, о пользѣ, о пользѣ, о пользѣ, о пользѣ, и т. д. (о пользѣ), 10000000 а не показать никому ясно, подробно и отчетливо этой пользы на дѣлѣ. Я видѣлъ на опытѣ семь мѣсяцевъ въ Симферопольскомъ офицерскомъ госпиталѣ, въ домѣ Мейера, чтò значать слова: „въ пользу раненыхъ“, и вмѣстѣ со всѣми ранеными требую не подобнаго,

мерзостнаго явленія, но совѣстливаго отчета: какъ, когда и кому, чѣмъ именно, помогаетъ Комитетъ раненымъ и что онъ дѣлаетъ,—пусть печатаетъ для всеобщаго свѣдѣнія. Когда все объяснится, то не будетъ *ловли рыбы въ мутной водѣ*, какъ это случилось съ извѣстнымъ ловцомъ Политковскимъ, ограбившимъ инвалидный капиталъ.

Далѣе, ваши слова: „*Морской Сборникъ*“ превосходное и дешевое изданіе; но для этой цѣли на него отпускается болѣе 10 т. руб. сер., ибо издержки не покрываютъ изданія по подписной цѣнѣ; слѣдовательно вамъ угодно, чтобы „*Русскій Инвалидъ*“ вмѣсто того, чтобы давать доходъ въ пользу инвалидовъ, напримѣръ въ 31,008 руб. 49 коп., получалъ изъ кассы, ассигнуемой на ихъ пособіе, тѣ 36,651 руб. 31 коп., которые нынѣ расходуются на его изданіе, и согласитесь, что подобное предложеніе нельзя назвать выгоднымъ“. Это не ясно.

*

Въ дешевомъ журналѣ всѣ объявленія отставнымъ солдатамъ, не получающимъ весьма дорогую по цѣлѣ своей газету „*Русскій Инвалидъ*“, но посѣщающимъ трактиры, харчевни и кабаки, (какъ собранія, доставляющія удовольствіе и развлеченіе) всѣ такія солдатамъ объявленія дойдутъ до слуха тѣхъ, къ кому относятся и перестанутъ быть одною пустою формальностію, исполняемою не для окончанія дѣла, и для очистки бумагъ. Объявлено въ „*Инвалидъ*“; о томъ, дойдетъ или нѣтъ до свѣдѣнія, мнѣ что за нужды: я самъ съѣлъ, одѣлъ, въ теплѣ, въ довольствѣ, очень мнѣ нужно заботиться!! Вотъ радость газеты „*Инвалидъ*“ и ея составителей.

Пока не догадались издавать подобный журналъ для народа другіе, посторонніе (не отъ Комитета 1814 г.), не худо теперь же поторопиться и привести эту мысль Комитету оному въ исполненіе, для увеличенія капитала инвалидовъ. Этотъ общенародный журналъ въ накладѣ не останется, если въ крошечной Польшѣ онъ имѣетъ до 3 т. подписчиковъ и множество сотрудниковъ. При публикаціи о изеттѣ *Sytema Niedziela*, Воскресное Чтеніе, были приведены слова святаго Винцентія: *Скорѣе не достанетъ бѣдныхъ, нежели хлѣба, ежели всѣ будутъ вѣрно исполнять свои обязанности*“.

„Впрочемъ“, говоритъ редакторъ „*Инвалида*“ Лебедевъ 3-й, съ будущаго года цѣна на „*Инвалидъ*“ положена Комитетомъ на одинъ рубль менше для подписчиковъ“. Это не дурно; но все таки цѣна на годовое изданіе „*Русскаго Инвалида*“ очень высока и недоступна

каждому. Это очевидно, и противу того не мѣшало бы принять мѣры, и довести о томъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

„Объяснивъ вамъ все“, пишетъ редакторъ газеты „Инвалидъ“, согласно вашему желанію, я предоставляю обратиться съ письмами и просьбами о томъ, что „Инвалидъ“ не исполняетъ своего назначенія и долженъ издаваться какъ „Морской Сборникъ“.

Вы мнѣ ничего ровно не объяснили согласно моему желанію, ибо сильно налегаете на нестоющіе ничего, пустые итоги цифръ, названные „отчетами“, не имѣющими никакого значенія для раненыхъ инвалидовъ. Насчетъ писемъ о самозванной газетѣ „Инвалидъ“, я пополю въ свое время: увижу, какъ будетъ издаваться „Русскій Инвалидъ“: по прежнему ли безъ малѣйшаго вниманія на живыхъ инвалидовъ, или точно будетъ показывать на дѣлѣ и на словѣ *призрѣніе*, а не *презрѣніе* инвалидамъ. Постараюсь въ пользу инвалидовъ со всѣмъ огнемъ и рвеніемъ Кавказца и Севастопольскаго служиваго, и Богъ поможетъ въ столь добромъ предпріятіи. Увидимъ, а пока подождемъ и посмотримъ, станетъ ли газета „Русскій Инвалидъ“ оправдывать въ 1857 году свое знаменитое имя.

И калѣка, а о пенсіи все идетъ *переписка*. Пенсія слово громкое. Но съ тѣхъ поръ какъ введенъ курсъ денегъ на серебро, все стало въ $3\frac{1}{2}$ раза дороже: ибо на серебро считаютъ какъ на ассигнаціи. Дороговизна вездѣ и во всемъ непомѣрная; а слѣд. и пенсія весьма не много значить. Кромѣ того необходимо пояснить: что именно и сколько долженъ получать раненый на службѣ и раненый въ отставкѣ? „Пенсіи „изъ государственнаго казначейства“, пенсіи „изъ инвалиднаго капитала“. Надобно сказать, сколько всего, одною суммою, должны получать увѣчные 2-го напр. класса офицеры, на службѣ состоящіе и пользующіеся отъ ранъ, и въ отставкѣ. На стр. 150-й Памятной Книжки для Русскихъ Офицеровъ, сказано: „Подполковнику, увѣчному и тяжело раненому, который ни военной, ни гражданской службы продолжать не можетъ, назначено пенсіи изъ инвалиднаго капитала:

руб. коп.	руб. коп.
214—27 $\frac{1}{2}$	321—43 сер.

Въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“, 1856 г., кн. 2-я, была напечатана новая табель „прибавленныхъ“ пенсій, а именно:

„Подполковнику раненому, 2-го класса 285 руб. сер. Чтò тутъ прибавленнаго—не видно! 285 руб. есть среднее число между 214 р. и 321 р. Увеличеніе не пояснено. 285 руб. сер., чтобы *лечиться и жить очень немного при нынѣшней дешевизнѣ денегъ и курсѣ на серебро.*

При томъ, ни подъ какимъ видомъ никогда не можетъ быть одинакова пенсія напр. *безрукому и безоному*: тотъ можетъ ходить и слѣдовательно не тратитъ денегъ на извощиковъ, а безъ употребленія ноги ходить нельзя, особливо какъ напр. нога у меня пробита въ верху и въ низу, такъ что отъ ходьбы на костыляхъ я получилъ счетомъ *тридцать* ранъ: *два* въ вверху надъ входомъ пули, *одну* рану глубокую и шириною въ толстоту пальца, въ паху, и *десять* на животѣ отъ воспаленія и отгнившей клѣтчатки. Матерія густая, какъ тѣсто, кусками выходила изъ брюшныхъ ранъ, и пользовавшій меня докторъ Нарановичъ изъяснилъ свое удивленіе, что я выдержалъ эту болѣзнь, которая могла кончиться гангреною.

Извощики и дѣроги, и необходимы тому, кто не можетъ ходить; а это, столь важное условіе, при назначеніи пенсій, нимало не принято въ соображеніе. Къ тому жалкая ходьба на деревяшкѣ и на двухъ костыляхъ возможна лишь *въ сухое время, по мѣсту ровному, твердому, нескользкому.* Мягкій грунтъ, грязь, ледъ, лѣстницы каменные и желѣзные, суть неодолимые препятствія для раненаго, противу воли своей влачащаго свою бѣдственную жизнь на двухъ палкахъ, и эти препятствія, т. е. лѣстницы, ледъ, грязь, и то могутъ быть для ходящаго на костыляхъ и на деревяшкѣ причиною паденій, ушибовъ и смерти. Это аксіома, не требующая доказательствъ. Стѣдуетъ только ближе вникнуть и присмотрѣться.

Или издавать газету сѣрую для одного только простаго народа и солдата (чтò будетъ гораздо лучше), и при дешевизнѣ таковой сѣрой газеты подписки будутъ во множествѣ, лишь бы всѣ провѣдали объ изданіи этой дешевой газеты, и къ этому можно пригласить мѣстные власти и духовенство заохочивать и внушать страсть къ чтенію этой общенародной газеты, которая тогда, подобно газетѣ „Варшавскій Курьеръ“, будетъ расходиться живо, ибо цѣна будетъ всѣмъ очень доступна; а всякому грамотному простолюдину любопытно „почитать“ газету и узнать новости. Тогда, пожалуй, во многихъ трактирахъ и харчевняхъ и даже кабакахъ, заведется сѣрая, малаго формата газета и послужитъ къ образованію народа и къ увеличенію суммъ инвалид-

наго капитала на дѣйствительную пользу солдатъ и ремесленникамъ. Въ эту газету можно помѣщать статьи: напр. изъ Польской газеты. „Воскресное Чтеніе (*Czytelnia Niedzielna*), выходящей съ 1856 года въ Варшавѣ, подъ редакціею образованной дамы А. В. Петровой, дочери сенатора. Этотъ журналъ (коему нѣтъ въ Россіи ничего подобнаго), предназначенъ для ремесленниковъ, слугъ и вообще для престопадаря, уже имѣетъ около 3 т. подписчиковъ. Въ немъ принимаютъ участіе лучшіе Польскіе литераторы. Журналъ этотъ чрезвычайно занимателенъ и вполне достигаетъ своей цѣли. (П. Дубровскій. Изъ журнала „Русскій Вѣстникъ“, 1856 года, Ноябрь, книжка 1я, стр. 41“). Я, какъ „инвалидъ“ имѣю право говорить объ инвалидномъ капиталѣ и предлагаю не пренебрегать очевидными выгодами сказаннаго изданія сѣрой малаго формата для простаго народа газеты.

На первый разъ на изданіе отъ Комитета 1814 г. двухъ газетъ „Русскій Инвалидъ“, обыкновенной, доселѣ издававшейся газеты этого имени, и другой на сѣрой бумагѣ малаго формата для народа и солдатъ, потребуется издержекъ; но они вознаградятся, если только редакторъ ея будетъ патріотъ и честный человекъ, подобный г-жѣ Петровой: въ огромной Россіи будетъ болѣе 3 т. подписчиковъ (Польша капля противъ Россіи), и этотъ журналъ неминуемо послужитъ къ увеличенію суммъ Комитета, не говоря о своей пользѣ для народа. Объ этомъ стоить подумать, и мысль эту съ 1857 г. привести въ исполненіе; только бы обнародовать властямъ и народу эту мысль: за дѣломъ и сотрудниками не станеть. А на первый случай за весь 1856 годъ журналъ Польскій, *Czytelnia Niedzielna*, послужитъ готовымъ матеріаломъ для перевода и приспособленія Русскому народу.

Въ „Морскомъ Сборникѣ“ всегда есть чертежи и картины, а они стоятъ дорого. Притомъ и бумага гораздо лучше. Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ ничего кромѣ текста, и потому, оставя спеціальность въ покоѣ, не предстоитъ такихъ издержекъ, какъ на „Морской Сборникъ“.

Главное уподобленіе „Русскаго Инвалида“ относится не къ спеціальности, а къ добросовѣстнымъ для инвалидовъ и раненыхъ подробностямъ. Все письмо ваше написано уклончиво, а не съ прямою, какъ я васъ просилъ. Я нарочно выписалъ заглавіе „Морского Сборника“ и говорилъ, что не худо взять съ него примѣръ подражанія къ добру. Напр., почему также не печатать „въ Инвалидѣ“ кромѣ краткаго отчета о занятіяхъ Комитета 1814 г. за каждый мѣсяць, „именные списки помѣщиковъ, отпустившихъ на волю безвозмездно раненыхъ (т. е. вѣроятно семейства раненыхъ), въ кампанію 1853—1855 гг.

солдатъ“, списокъ дѣтямъ лицъ сухопутныхъ войскъ, воспитывающимся въ казенныхъ заведеніяхъ?

Въ XXVI кн. „Морскаго Сборника“, № 18, Декабрь 1856 г. имянные списки, по коимъ розданы денежныя пособія и пособіе воспитанію дѣтей. *Роздано для сею денегъ 94960 руб. 80 коп. Ничего подобнаго нѣтъ ни по какому ведомству т. е. чтобы добро было „не подъ спудомъ, но въ живомъ, своевременномъ явленіи“*, иначе слово: „на пользу раненыхъ или инвалидовъ“ есть одна клевета на добро не бывалое, ибо „дорога милость во время скудости“, а „не на томъ свѣтѣ угольками“ чрезъ годъ, два и далѣе, послѣ томительнаго ожиданія въ бѣдствіяхъ лишеній и нищеты, нимаю непонимаемой здоровымъ, сытымъ и благоденствующимъ въ довольствѣ Комитетомъ 1814 г., дѣятельности котораго не видно. Предложеніе мое очень выгодно тѣмъ „для инвалидовъ“, что если газета „Русскій Инвалидъ“ будетъ въ главномъ подобна „Морскому Сборнику“ и будетъ также помѣщать именныя списки и отчетливыя извѣщенія ежемѣсячно, то сдѣлаетъ въ самомъ дѣлѣ добро „инвалидамъ“ и не будетъ тогда самозванцемъ, ложно носящимъ заслуженное названіе, которое газета въ главномъ, существенномъ для инвалидовъ нимаю не выполняетъ. Меньше будетъ поступать денегъ въ инвалидный капиталъ: это не бѣда. „Инвалиды“ и раненыя вполнѣ заслужили вниманіе къ себѣ, и я не даромъ писалъ и повторяю это, что „Русскій Инвалидъ“ (т. е. газета, носящая это имя) обязанъ помнить своихъ собратій, быть честнымъ, правдивымъ и добрымъ на дѣлѣ, а не на языкѣ одномъ, и не „кремнемъ кремневичемъ“, обязанъ быть благодѣтелемъ всѣй огромной семьи несчастныхъ своихъ сотоварищей „инвалидовъ“, большею частію изнывающихъ въ нищетѣ, особенно солдатъ, нимаю не обезпеченныхъ словами указа: „бороду брить, по міру не ходить“, слѣдствіемъ чего они по міру ходятъ и бороды не брѣютъ.

Объ измѣненіи и улучшеніи указа объ отставкѣ солдатъ.

Въ искреннемъ желаніи добра и пользы родинѣ и въ справедливомъ вниманіи къ долготѣтней, трудной, 25 годовой службѣ Русскаго солдата, не мѣшало бы старинный указъ измѣнить къ лучшему, а именно:

1) Славянскій языкъ, какъ напр. *житія*, вмѣсто жизни, и старый, странный слогъ измѣнить въ рѣчь общепринятую, ясную.

2) Рифмованную прозу: „бороду брить, по міру не ходить“, исключить, замѣнивъ словами не въ риѣму.

3) Къ указу приложить всё упомянутыя въ немъ §§ и статьи законовъ и постановленій, чтобы отставной солдатъ не затруднялся хожденіемъ и просьбами, узнавая содержаніе прописанныхъ §§ и статей въ указѣ объ отставкѣ. Это хожденіе можетъ стоить долгаго времени и денегъ, что солдату тягостно и невозможно, особливо неграмотному и раненому.

4) Обезпечить, сколько можно, на самомъ дѣлѣ судьбу отставного, прописавъ всё необходимыя для того правила ясно, подробно и удобоисполнимо.

5) Опубликовать въ газетахъ и вѣдомостяхъ вновь составленный указъ объ отставкѣ и пригласить всё мѣстныя власти, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, неослабно заботиться успокоеніемъ престарѣлыхъ отставныхъ раненыхъ, *дѣломъ самымъ и исполненіемъ не позднимъ, а своевременнымъ.*

Капиталы на святыни, иконы и лавры жертвуются большіе, а отчета этихъ капиталовъ *никогда нидѣ не было видно.*

6) Для сего ясно и подробно (съ приложеніемъ именныхъ списковъ отставнымъ и раненымъ, немогущимъ зарабатывать себѣ содержаніе по своей болѣзни и увѣчью) публиковать въ газетахъ и вѣдомостяхъ *ежестретно* въ году и сообщать для всеобщаго, удовлетворительнаго свѣдѣнія: а) сколько, когда и кому дано изъ капиталовъ, во 1) собранныхъ за концертъ, маскарадъ, спектакли, въ такъ называемую „пользу инвалидовъ“, темную по своей безотчетности; во 2) сколько и когда дано изъ капиталовъ, собранныхъ духовными властями и особливо чернымъ духовенствомъ (*пріявшимъ „Чинъ Апельскій“, чтобы, отрпшившись отъ всего мірскаго, отъ всего земнаго по слову Апостола, жить во Христѣ, нищелюбцами*)“, изъ капиталовъ на примѣръ *отъ служенія при явленныхъ иконахъ* въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Курскѣ, Харьковѣ и т. д.; въ 3) сколько, кому иногда дано изъ капиталовъ *жертвованныхъ при посщеніи святынь*, напр. Кіево-Печерской Лавры, Сергіе-Троицкой Лавры, Александро-Невской Лавры, въ Воронежѣ при мощахъ Св. Митрофанія, и т. д.; опубликовать *приходъ и расходъ означенныхъ суммъ*, съ приложеніемъ всякій разъ именныхъ списковъ: *кому, когда и сколько денегъ было выдано*; и вообще *всп жертвованныя въ Россіи суммы приводитъ въ отчетливую извѣстность для публики по приходу и расходу*, и тогда конечно можно будетъ достигнуть обезпеченія воиновъ въ отставкѣ, безъ допущенія ихъ

къ бѣдности и нищенству, сколько гибельному, столько же и постыдному: ибо нищенство ведетъ къ бродяжничеству, порокамъ и преступленію.

„Помыщеніе въ „Русскомъ Инвалидѣ“ подробныхъ отчетовъ о дѣйствіяхъ Комитета и о призрѣніи раненыхъ, по мѣрѣ распоряженій о томъ со стороны Комитета, будетъ принято во вниманіе, и мною составлена объ этомъ докладная записка“. (Слова редактора газеты „Русскій Инвалидъ“).

Весьма жаль, что не прислали копии съ этой записки: я бы сообщилъ ее раненымъ, и они бы увидѣли, могутъ ли надѣяться на улучшение газеты „Русскій Инвалидъ“, или не могутъ и должны дѣйствовать сами, пока живы.

„Но и эти извѣстія“, продолжаетъ редакторъ г. Лебедевъ 3-й, *„должно печатать, въ видѣ особыхъ прибавленій, что потребуетъ расхода до 3 т. руб. сер. въ годъ“.* Что же такое? 3 т. мало, можно и побольше чѣмъ на „Морской Сборникъ“, отдѣлить для тѣхъ, кто своею кровью защищаль Государя и Отечество, подѣлавшись чрезъ то калѣкою, не живетъ уже, а влачить бѣдную, мучительную жизнь!! Это слишкомъ очевидно.

Окончаніе о томъ, какъ примѣнить къ жизни раненыхъ и инвалидовъ мертвое выраженіе: „на пользу раненыхъ или инвалидовъ“.

„Ибо, говоритъ редакторъ Г. Лебедевъ 3-й, подписывающіеся на нашу газету хотятъ разнообразія и занимательности и требуютъ новостей, литературныхъ, военныхъ и политическихъ“. Это такъ. Но повѣрьте, много значить, что къ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ въ настоящее время не имѣетъ Россія особеннаго сочувствія, потому что она не видитъ благой ея цѣли. Надобно раскрыть эту благоую цѣль, говорить обо всемъ побольше правды, и тогда больше будетъ уваженія и участія къ журналу, который, при интересѣ и занимательности, будетъ, какъ патріотъ, добро творить такъ, что оно станетъ ясно всеѣмъ и перестанетъ скрываться подъ темнымъ словомъ: *„на пользу инвалидовъ“*, *„въ пользу раненыхъ“*, или подъ итогами большихъ чисель, называемыхъ *„отчетами“*.

И положимъ, самъ Государь Императоръ узнаетъ, что „издержки на изданіе газеты „Русскій Инвалидъ“, требуютъ увеличенія преж-

няго до 1857 г. расхода на изданіе, то онъ конечно приметъ мѣры, чтобы издавался „Русскій Инвалидъ“ подобно „Морскому Сборнику“, на славу, честь и пользу Россіи и ея сыновъ и воиновъ, коимъ Отечество обязано дать приличное успокоеніе и оказывать вниманіе.

Изданіе „Инвалида“, продолжаетъ редакторъ этой газеты г. Лебедевъ 3-й, „на сѣрой бумагѣ не можетъ быть допущено, потому что введетъ редакцію въ такое затрудненіе, которое покажется непонятнымъ для чловѣка несвѣдующаго“. Далѣе слѣдуютъ весьма понятныя затрудненія, очень простыя и очевидныя для каждаго несвѣдующаго типографскаго дѣла, а именно: „Инвалидъ“ изданіе ежедневное, а „Московскія Вѣдомости“ два раза въ недѣлю; что же до газеты „Варшавскій Курьеръ“, то малый его форматъ позволяетъ для каждаго сорта бумаги имѣть особый наборъ и печатать одновременно газету на всѣхъ сортахъ бумаги, а „Инвалидъ“, въ числѣ 6 т. экземпляровъ, не имѣетъ болѣе 4-хъ часовъ времени для печатанія. Согласитесь, что при этомъ не представляется возможности для сортировки, и будетъ происходить всякій разъ либо замедленіе, либо беспорядокъ“. Почему же не доложить чрезъ Комитетъ высшему начальству и Государю: не будетъ ли средствъ печатать газету „Инвалидъ“ на сѣрой бумагѣ малаго формата, кромѣ обыкновенной издаваемой газеты „Русскій Инвалидъ“? Сѣрая малаго формата газета будетъ въ родѣ Польской газеты *Воскресное Чтеніе*, о чемъ уже подробно изъяснено. Ничего въ этомъ нѣтъ ни затруднительнаго, ни невозможнаго. Конечно „при 4-хъ часовомъ времени для напечатанія въ числѣ 6 т. экземпляровъ „Русскаго Инвалида“ надобно будетъ тогда пріискать новаго редактора, чиновниковъ, помощниковъ и типографщиковъ на эту сѣрую газету для „неимущихъ“ офицеровъ, получающихъ отъ казны пособіе, называемое пенсіею, которая при нынѣшнемъ курсѣ денегъ ни серебро, при крайней дешевизнѣ денегъ и непомярной во всемъ дороговизнѣ для жизни, очень невелика, чтобы платить нынѣшнюю огромную цѣну за газету „Инвалидъ“, съ пересылкою 16 руб. сер., или 56 руб. ассигнаціями.

Обширное поприще, открытое нынѣ исполнителямъ воли Ея Величества по облегченію страданій и доставленію всевозможныхъ удобствъ храбрымъ защитникамъ Отечества, дало графу Віельгорскому-Матюшкину и его достойнымъ помощникамъ новое право на общую признательность.

Съ 3-го Сентября 1855 г. я былъ уже въ Симферопольскомъ военномъ госпиталѣ и могу спросить: „какія это облегченія страданій?

Какія это удобства, и притомъ удобства всевозможныя?! Не отвратительная ли по неопрятности и весьма скудная пища въ вонючей, грязными тряпицами вытертой посудинѣ? Не бѣлье ли, часто во вшахъ, притомъ сырое, узкое и изорванное?! Отъ сыраго бѣлья я получилъ горячку и едва не померъ: это я на себѣ знаю, и съ тѣхъ поръ сталъ носить свое бѣлье. Не вонючія ли подушки и смрадный матрацъ, набитый бурьяномъ, жесткимъ какъ камень? Не казенные ли халаты, тѣсные, узкіе и худые? Не медикаменты ли, которыхъ не дожدهшься нѣсколько часовъ изъ казенной аптеки, а между тѣмъ раненый умираетъ. О, конечно нѣтъ! Какія это удобства?! Не медикъ ли необыкновенный? Также нѣтъ: по доброй волѣ мы „благодарили“ его, т. е. складывались деньгами, но онъ не оказался ни знатокомъ медицины, ни человѣкомъ съ чувствомъ, ибо не смѣлъ пикнуть противу своего медицинскаго госпитальнаго начальства. Въ госпиталѣ, въ домѣ Мейера, было два фельдшера и весь домъ; ночью ихъ не было; дежурнаго офицера не было; даже привратника у воротъ не было, и потому ночью ходили разные мошенники и крали у сонныхъ раненыхъ часы и т. п. Какія же это удобства, и при томъ всевозможныя? Это интересно. Ужъ не вонючій ли госпитальный воздухъ, тлетворный, ядовитый, ничѣмъ не освѣжаемый?! Нѣтъ что это за „удобства!“ Что ябудь другое. Что же такое именно? А вотъ на стр. 1333 сказаннаго № 262-го „Сѣверной Пчелы“ „изображена“ попечительность Комитета. Выписать бы эту удивительную попечительность. „Изъ приложенной къ сему рапорту (отъ 7-го Октября) вѣдомости видно, что въ кладовую Комитета поступило въ теченіе Іюня, Іюля, Августа и Сентября мѣсяцевъ 1855 года“.

Изъ всего исчисленнаго здѣсь расхода, исключивъ корпію, бинты, компрессы, 31-го предмета, означеннаго въ вѣдомости, не видали раненые офицеры, пока не прочитали съ изумленіемъ и огорченіемъ цифры напечатанными. Куда все это дѣвалось, Богъ знаетъ*)! Вѣльгорскій, какъ баричъ и по воспитанію благородный человѣкъ, но ни на одну каплю не хозяинъ, никакого нѣтъ сомнѣнія самъ не бралъ, а у него изъ подъ носу крали другіе. Кто эти другіе, мнѣ неизвѣстно; но совѣстно читать, стыдно, горько и обидно видѣть подобную нелѣпую опись, и знать, что подъ видомъ „пользы раненыхъ“, нажились

---

*) Въ 1855—1857 годахъ, когда вся Россія волновалась слухами о покражахъ въ Крыму, графиня А. Д. Блудова такъ умирала мое негодованіе: Сходите въ Имп. Публичную Библиотеку; тамъ сберегаются листы газеты: Times. Можете прочитать, какъ у Англичанъ воровались даже пушки, назначенныя для отправленій подъ Севастополь. П. Б.

воры и подлецы, конечно здоровые, и уморили тѣмъ не одного страдальца раненаго. Если бы всё исчисленные вещи и продукты пошли бы бѣднымъ и несчастнымъ раненымъ, сколько бы изъ нихъ не умерло! Особенно напр. „клюквенный экстрактъ“, когда горло перегоритъ въ горячкѣ и гангренѣ; чай, если есть, и тотъ кажется хуже помоевъ; а 125 бочекъ клюквеннаго экстракта принесли бы большую пользу!! Я и всё офицеры со мною ни одной капли не получали этого экстракта, хотя онъ въ лавкахъ продавался по 1¹/₂ и по 2 руб. сер.

Помѣщены ничего не значащія итоги темные и неопредѣленные, названные весьма странно: „отчетомъ“. Что же въ нихъ „отчетливаго“? Напр. „Изъ полученныхъ нынѣ отчетовъ видно, (кому это видно?), что по 1-е Января 1856 г. произведены слѣдующіе расходы:

1) Роздано денежныхъ пособій.

а) „Раненымъ“:

	руб.	коп.
„974 Штабъ и оберъ, офицерамъ:	75421	— 90 сер.
„493 юнкерамъ и подпрапорщикамъ:	8703	— 75 сер.
„Нижнимъ чинамъ:	42437	— 80 сер.
	<u>126564</u>	р. 45 коп.

Ничего не сказано: когда, кому, сколько?!

б) Плѣннымъ:

(Также безъ обозначенія: когда, кому именно, и сколько)	руб.	коп.
	138396	— 84

2) На улучшение быта раненыхъ въ госпиталяхъ

„Отпущено въ распоряженіе доктора Пирогова“ 3000 руб. сер.

Употреблено на покупку медикаментовъ и Ждановской жидкости 629 руб. сер.

Кому покупали медикаменты и кто изъ раненыхъ знаетъ, какъ пахнетъ неизвѣстная въ Симферопольскомъ госпиталѣ эта жидкость?!

На покупку сахара, чаю, кофе, водки и табаку 7757 р. 89 к. сер.

Для кого это? Всё офицеры покупали на свои деньги сахаръ, чай, водку и табакъ; я даже помню, какъ сердобольная старушка сбирала разъ деньги на чай одному больному бѣдному офицеру.

„На заготовленіе костылей“ . 613 руб. 5 коп. сер.

Костыли всё офицеры покупали на свои деньги.

На разные предметы по госпиталямъ 3400 руб. 76 коп. сер.

(Это за чѣмъ и кому?!)

Итого: „На улучшение быта раненныхъ въ госпиталяхъ употреблено“ 16,176 руб. 70 коп. сер.

И это: „отчеты!!“

„Какъ много благородныхъ словъ...“

А дѣлъ не видно благородныхъ!!..“

Вотъ отрывокъ изъ моего письма помѣщеннаго въ „Р. Инвалидъ“ (№ 117): „Въ три недѣли, изъ *ста* саперъ моей роты, находившейся на 5-мъ отдѣленіи, во время бомбардировокъ непріятеля днемъ и ночью, производившихся съ крайнимъ ожесточеніемъ, убито бомбами 27 саперъ; ранено осколками и пулями 37; контужено по два и по три раза осколками бомбъ и камней 26. Остальные 10 человекъ, во время штурма 27-го Августа, очищали ровъ и вѣроятно убиты вдругъ наступившимъ непріятелемъ, который бросался изъ траншеи, находившейся впереди нашего 2-го бастиона, всего въ 25 саженьяхъ.

Слѣдовательно мнѣ есть для кого хлопотать, чтобы не ходили по міру и не „пресмыкались въ нищетѣ“. Я уже и дѣйствую для нихъ. Къ этому подала удобный случай слѣдующая переписка. По командѣ мнѣ объявлено 6-го Ноября 1856 г., что „главнокомандующій отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ представилъ Его Императорскому Высочеству генераль-инспектору по инженерной части, представилъ (составленныя мною) записки о сверленіи и заряданіи цилиндровъ въ камняхъ и деревьяхъ. Его Императорское Высочество, находя этотъ трудъ подполковника Лебедева весьма похвальнымъ и заслуживающимъ одобренія, изволилъ приказать изъявить ему за оный благодарность Его Высочества и вмѣстѣ съ тѣмъ спросить, что ему угодно было бы сдѣлать съ означенными записками?“ Почему я и просилъ, если можно, то издать записки въ пользу изувѣченныхъ, раненыхъ саперъ, поименованныхъ въ приложенныхъ спискахъ. Въ случаѣ же смерти кого либо изъ сихъ саперъ, въ пользу родственниковъ, подъ расписку получателей, засвидѣтельствованную двумя свидѣтелями, находившимися при выдачѣ денегъ и пр.

Редакторъ газеты „Инвалидъ“ увѣряетъ „что Комитетъ не можетъ дѣйствовать вопреки закону; дѣла въ немъ идутъ быстро, и замедленія

въ отвѣтахъ происходятъ отъ несоблюденія просящими законныхъ формъ. Знаю, что это прискорбно для страждущихъ, но что же оградить неприкосновенность капиталовъ и назначеніе пособій сообразно со степенью раны, если не строгое соблюденіе всѣхъ постановленій? Съ этимъ во многомъ нельзя согласиться. Что „Комитетъ не можетъ дѣйствовать вопреки закону“, это очевидно. „Дѣла въ немъ идутъ скоро“, это по вашему ошибочному мнѣнію, а вы не ранены, въ довольствѣ и обеспечены; а по мѣму дѣла въ Комитетѣ идутъ нестерпимо долго: ибо онъ не имѣетъ искры участія къ раненымъ, хотя и называется „покровительствующимъ раненымъ“. Участіе этого онъ ничѣмъ не обнаружилъ, хотя могъ бы милліоны разъ это сдѣлать, имѣя въ полномъ своемъ распоряженіи газету „Русскій Инвалидъ“. Что стоило Комитету этому, два-три года тому назадъ и теперь, напечатать въ „Русскомъ Инвалидѣ“ всѣ тѣ статьи закона, коими окончательно утверждается всякій о раненыхъ документъ, и изложить всѣ способы къ ускоренію разрѣшенія Комитетомъ пенсій, и т. п. образомъ выразить свою о раненыхъ заботливость или напомнить кому-либо и отъ себя и чрезъ газету „Русскій Инвалидъ“ о высылкѣ такого-то удостовѣренія; короче „проявлять свое покровительство раненымъ“ никто не мѣшалъ Комитету. Но ничего подобнаго не случилось, ибо подобныя объявленія раненымъ объ ускореніи разрѣшенія имъ пенсій могутъ быть сдѣланы людьми, у коихъ сердце не изъ булыжника, а есть къ раненымъ сочувствіе и участіе. Комитетъ занимается „очисткою“ бумагъ, а не скорымъ исполненіемъ дѣлъ, т. е. разрѣшеніемъ пенсій безъ малѣйшей проволоочки. Равнодушіе,—или, лучше сказать, твердость желѣза,—видно въ словахъ вашихъ: „знаю, что это (замедленіе раненымъ отвѣтовъ изъ Комитета, см. стр. 40), „прискорбно для страждущихъ!“ Только!? Только „прискорбно“? Не болѣе? Не прискорбно, а это пахнетъ смертью, милостивый государь мой. Не всякому вполне понятно, особливо здоровому и обеспеченному въ средствахъ человѣку, что значитъ нужда со всѣми ея принадлежностями, и еще зимою, безъ средствъ къ самой скудной жизни. Но вы можете себѣ составить хотя сколько нибудь близкую къ истинѣ идею: что долженъ вытерпѣть, никому того не обнаруживая, послѣ долгой, боевой службы раненый, съ незаживающими, требующими леченія ранами?

Ограждайте законностію капиталы, непременно ограждайте; но отвѣчайте и дѣйствуйте съ огнемъ усердія, а не молчаніемъ и одною „очисткою бумагъ“.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ циркулярно начальникамъ губерній, отъ 14 Мая 1855 г., „что исполненіе служебнаго долга

состоить не въ посылкѣ бумагъ, а въ существенномъ исполненіи дѣлъ“. И по сему кромѣ „отписки бумагъ“, слѣдуетъ стремиться не къ очищенію, но къ существенному исполненію дѣлъ.

Меньше денегъ на лицо безъ пользы—меньше и покушенія. Политковскій уже однажды показалъ на себѣ всю силу этаго искушенія, промотавъ большую сумму (впослѣдствіи г. Яковлевымъ пополненную) изъ капитала инвалиднаго*). Я хочу здѣсь сказать, что тяжкій грѣхъ допускать солдатъ нищенствовать, нимало ничѣмъ ихъ не обезпечивая, послѣ той непонятной ни для кого изъ Европейцевъ трудовой жизни, въ которой 25 лѣтъ солдатъ, храбрый и стойкій, преданный и терпѣливый, былъ всегда выше солдата Австрійскаго, Англійскаго, а не могъ, по неимѣнію средствъ, получать напр. какъ солдатъ Англійскій въ Крыму: „по десяти шиллинговъ или рубль серебра въ день; кофе, портеръ, вино, сахаръ, ромъ, говядину, одѣяло, матрацъ, фуфайку“, какъ сказывали о томъ въ 1856 г. лѣтомъ въ Севастополѣ Англичане брату Владимиру Семеновичу, а напротивъ солдатъ нашъ довольствуется весьма малымъ, и только подсмѣивается тихонько въ тоскѣ своей. Такъ напр. онъ насмѣшливо поетъ, что получаетъ

По три денежки въ день,
Куды хочешь, туда день!

Припѣвъ къ этой пѣснѣ:

Ой, калина, ой малина.
Купи мыла, купи клею,
Побѣлить-бы портупею.
Теперь аммуниція черная, слѣд.
Купи мыла, купи сажу
Почернить бы патронташи и т. п.
Купи мыла, купи сала,
Да и выпить чтобы стало.

Мало средствъ на улучшеніе быта солдатъ; но за то весьма много небреженія о нихъ у частныхъ начальниковъ, вмѣсто попечительности и заботливости.

Въ повѣсти: Рубка лѣсу, рассказъ юнкера графа Л. Н. Толстого, „изъ ученыхъ“ солдатъ, артиллеристъ насмѣшливо-простодушнаго гово-

---

*) Напомнимъ читателю, что Государь Николай Павловичъ заболѣлъ съ горя, когда раскрылось воровство Политковскаго. Онъ тогда воскликнулъ: „Рылѣевъ съ братьею конечно мнѣ этого не сдѣлали бы“ (см. нашъ Сборникъ „Девятнадцатый Вѣкъ“ кн. 1-я). Изъ за этого показанія сборникъ былъ задержанъ, но Государь Александръ Николаевичъ приказалъ выпустить его въ свѣтъ. П. Б.

рять про свое житье: „Я говорю: живемъ хорошо, милый человекъ; провіантъ сполна получаемъ; утро и вечеръ „по чашкѣ *циколата* идетъ на солдата; а въ обѣдъ идетъ господскій *супъ* изъ перловыхъ *крупъ*; а замѣстъ водки *модера* полагается по крынкѣ. Модера диверье, что безъ посуды, моль, сорокъ двѣ!“

Имянно: *Модера дивирье*, хотя этой фразы не слыхалъ я у солдатъ: она не солдатская, но кстати.

Хорошо также видно состояніе солдата въ извѣстной на Кавказѣ пѣснѣ:

„Ну вотъ, вспомните ребята,
Какъ стояли въ Зеренѣхъ“.

Пѣсня эта, говорятъ, сочинена генераломъ Пассекомъ; но ее солдаты еще лучше и вѣрнѣе Пассека дополнили по своему:

Вотъ Кавказскіе солдаты
Ходятъ объ руку съ нуждой,
Завсегда горемъ богаты,
Его носить за спиной!

Голосъ этой пѣсни протяжный и заунывный.

Севастопольскій громъ прогремѣлъ какъ звучное слово Верховнаго Міроправителя. Пора вспомнить Всемогущаго Бога, завѣщавшаго любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ. А между тѣмъ сколько людей утопаютъ въ избыткахъ, и они, съ затекшимъ отъ жира сердцемъ, ничего не видятъ кромѣ „комфорта“ жизни, жены, ея нарядовъ дѣтей, экипажей, оперы, и проч. удовольствій!..

Въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ 1856 г., Май, книжка 1-я напечатано прекрасное стихотвореніе „Благотворитель“, какъ вѣрное изображеніе что значить „въ пользу бѣдныхъ“ дѣлать благотворенія.

Благотворитель *).

Въ увеселеніяхъ безвредныхъ
Спектаклей, баловъ, лотерей
Весь годъ я тѣшилъ въ пользу бѣдныхъ
Себя, жену и дочерей.
Для братьевъ сирыхъ и убогихъ
Я вовсе выбился изъ силъ;

*) Сочинилъ Николай Филипповичъ Павловъ. П. Б.

Я танцовалъ для хромоногихъ,
 Я для голодныхъ ѣлъ и пилъ.
 Рядился я для обнаженныхъ,
 Для нищихъ сдѣлался купцомъ,
 Для погорѣвшихъ, разоренныхъ
 Отдѣлалъ за-ново свой домъ.
 Моихъ малютокъ милыхъ кучу
 Я человѣчеству обрекъ:
 Плясала Машенька качучу,
 Дивила полькою Сапокъ.
 Къ несчастнымъ дѣтямъ безъ приюта
 Питая жалость съ раннихъ лѣтъ,
 Запомгла моя Анята
 Съ базарныхъ фруктовъ и конфетъ.
 Я для слѣпыхъ пошелъ въ картины
 И отличался какъ актёръ,
 Я для глухихъ пѣлъ каватины,
 Я для калѣкъ катался съ горъ.
 Вѣдь мы не варвары, не Турки:
 Кто слезы отереть не радъ?
 Ну какъ не проплясать мазурки,
 Когда страдаетъ меньшій братъ?
 Во всемъ прогрессъ по волѣ неба *)
 Законъ развитія во всемъ.
 Людей безъ крова и безъ хлѣба
 Все больше будетъ съ каждымъ днемъ.
 И съ большей жаждой дѣлъ прекрасныхъ
 Пойду, храня священный жаръ,
 Опять на все я за несчастныхъ,
 На балъ, на рауть, на базаръ!

---

*) Это безъ сомнѣнiя насмѣшка надъ людьми, кои, говоря о прогрессѣ, о развитiи, на дѣлѣ того ни мало не осуществляютъ, довольствуясь разговорами и проэктами. Авторъ сочувствуетъ несчастнымъ и смѣется надъ фразерами-благотворителями, думающими только о себѣ самихъ: „богатыхъ словомъ, дѣломъ бѣдныхъ“. П. Б.